

ПРОБЛЕМА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди задач изучения бурятского глагола важное место занимает исследование грамматических средств, служащих для выражения характеристик глагольного действия (и шире – ситуации). Для целого ряда форм, как аналитических, так и синтетических, вопрос об их статусе, т.е. отнесении к виду, способу действия (акционсарту) или времени остается открытым. Речь идет по крайней мере о следующих формах:

1) "простые" времена, образующиеся путем присоединения к основам глаголов аффиксов -на (унша-на 'читает'), -ба (унша-ба 'читал', 'прочитал'), так называемого причастия прошедшего времени -аа (унш-аа 'читал', 'прочитал'), причастия будущего времени -ха (унша-ха 'будет читать', 'прочтет');

2) аналитические формы, которые я называю здесь прогрессивом, составленные из соединительного деепричастия -жа и служебного глагола бай- 'быть' (унша-жа бай-г-аа 'читал', унша-жа бай-ба 'читал', унша-жа бай-ха 'будет читать' и т.д.);

3) два ряда перфектных форм, один из которых составлен аналитическими формами – сочетаниями разделительного деепричастия -аад и служебного глагола бай- (унш-аад бай-г-аа 'прочитавши был', унш-аад бай-на 'прочел' и т.д.), а другой ряд – сочетаниями причастия -пан и глагола бай- (унша-пан бай-на 'оказывается, прочел', унша-пан бай-ба 'оказывается, прочитавши был' и т.д.). Коротко поясню смысл употребленной здесь терминологии. Основанием для того, чтобы считать формы -аад бай- и -пан бай- перфектами, служит факт характерной для них таксисной семантики предшествования, не только чисто хронологической, но включающей указание на релевантность последствий. Например, глагол в форме перфекта -аад бай- в предложении типа Баатар Москва ошоод байна 'Батор уехал в Москву' обозначает актуальность для настоящего последствия (результата, или состояния) действия или ситуации ошо-(хо)¹ 'отправляться', 'уезжать', 'уходить', имевших место незадолго до момента речи. В отличие от этой перфектной формы перфект -пан бай- в примере типа Баатар Москва ошопон байна 'Батор, оказывается, уехал в Москву' обозначает актуальность для на-

стоящего результата действия ошо-(хо), имевшего место задолго до обнаружения результата; во всяком случае, говорящий или пишущий не видел, как происходило действие, и наблюдает только его результат, причем практически это может значить, что говорящий/пишущий узнает о происшедшем в прошлом событии или осознает его лишь через некоторое время. Таким образом, семантика этой формы часто хорошо описывается с помощью слова оказывается. Первую форму можно назвать перфектом очевидности, а вторую — перфектом неочевидности или заглазости;

4) формы, состоящие из сочетаний деепричастий и фазовых глаголов эхил-(хэ), захал-(ха) 'начинать', 'начинаться', дууһа-(ха) 'кончать', 'кончатся' и т.п., и форма, составленная продолжительным деепричастием -һаар и глаголом бай-, обозначающая фазу продолжения действия (унша-жа эхил-бэ 'начал(и) читать', унша-һаар бай-ба 'продолжал читать' и т.д.);

5) формы так называемого многократного причастия --даг со связками бай-(ха) и боло-(хо) (унша-даг бай-ба 'читал', 'имел обыкновение читать', унша-даг боло-бо 'стал регулярно читать') и синонимичные им формы со значением многократности или узуральности, постоянности действия — постоянное причастие -ааша (унша-ааша 'имеющий обыкновение читать') и однократное причастие -гша (унша-гша 'имеющий обыкновение читать');

6) форма объектного результата, если воспользоваться термином А.А. Холодовича², для обозначения так называемых страдательных причастий -аатай и -дгатай с соответствующими сингармоническими вариантами (например, бэлд-ээтэй 'приготовленный' от бэлдэ-(хэ) 'готовить'), значение которого можно описать так: состояние объекта, которое предполагает предшествующее изменение;

7) ряд синтетических форм, из которых большей продуктивностью отличаются -ша- (яба-ша-ба 'вдруг (взял и) ушел' от глагола яба-(ха) '(у)ходить', 'уезжать', 'ездить'), -жархи- (унша-жархи ба 'прочел' от унша-(ха) 'читать').

Фрагмент бурятской грамматики, которому принадлежит указанные выше формы, ждет адекватного описания. Прежде чем показать, что существует подход, в рамках которого эта задача выполнима, мне бы хотелось коротко остановиться на истории изучения бурятского вида, сосредоточив внимание на тех принципах выделения и рассмотрения вида в бурятском языке, от которых, по моему мнению, целесообразно отказаться при новом обращении к данному вопросу.

Глагольному виду в бурятском языке посвящен ряд работ, причем специально — монография Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова "Аналитические конструкции в бурятском языке"³. Так или иначе освещается этот вопрос в описаниях значений определенной массы аффиксов и аналитических форм в научной грамматике бурятского языка⁴, статье Л.А. Алексеева "Категория вида в бурятском языке"⁵, в соответствующем разделе исследования Ц.Б. Цыдендамбаева по грамматическим категориям бурятского языка⁶. Большинство из названных работ подчинены таксономическим задачам — инвентаризации и систе-

матизации морфологических явлений, что вкупе с неразвитостью современных названным работам представлений о виде не могло не сказаться на характере интерпретации конкретного языкового материала.

Условно можно выделить три этапа в изучении бурятского "вида". Первый этап был связан с поисками внешних аналогий между фактами бурятского языка и славянскими видами. Г.Д. Санжеев⁷, а вслед за ним П.И. Малакшинов⁸ и Д.Д. Амоголонов⁹ постулировали наличие в бурятском языке совершенного и несовершенного видов. Однако данная точка зрения не получила дальнейшего развития (а Г.Д. Санжеев позднее отказался от такого взгляда) и не была принята поздними исследователями ввиду того, что была слабо аргументирована и состояла, по существу, в подборе собственно смысловых эквивалентов и сравнении не систем, а лишь вырванных из них изолированных единиц.

Второй этап характеризуется принятием широкого, недифференцированного взгляда, согласно которому вид не является исключительной принадлежностью славянских языков, и если понимать вид очень широко - так, как предлагал понимать А.М. Пешковский в своем известном труде "Русский синтаксис в научном освещении"¹⁰, то, действительно, подобно такой трактовке в бурятском языке можно выделить огромный массив синтетических и аналитических средств выражения значений, относящихся к зоне смыслов "протекания и распределения глагольного действия во времени"¹¹, которую сейчас принято называть аспектуальностью.

Так, в бурятском языке Г.Д. Санжеевым были выделены общий вид (основы глаголов), интенсивный вид (-ша-), учащательный (-сагаа-: яба-сагаа-(ха) 'похаживать' от яба-(ха) 'ходить'), ослабленный -д гэ- (яба-д гэ-(хэ) 'слегка пойти', 'как бы шагнуть и остановиться'), окончательный (-жархи-: яба-жархи-(ха) 'уйти'), несовершенный (-жа бай-)¹²; Д.А. Алексеевым - виды, образованные морфологически: прерывисто-кратный (-лза-, -галза-, -гана-, -сагаа-, -шал-, -аал-, например: ани-лза-(ха) 'мигать (о глазах)', ани-гана-(ха) 'часто мигать', 'моргать' от ани-(ха) 'закрывать', хара-шал-(ха) 'посматривать' от хара-(ха) 'смотреть', андалд-аал-(ха) 'обмениваться' от андалда-(ха) 'меняться'), вид неполного действия (-да, хотя на самом деле -хада-: хура ороходо-(хо) 'накрапывать (о дожде)'), завершённый, или окончательный вид (-ша- и -жархи-), аналитические виды: неокончательный (-гад гэ-), начинательный (соединительное деепричастие -жа плюс спрягаемая форма глаголов оро-(хо) 'входить', ерэ-(хэ) 'приходить', эхил-(хэ) 'начинать(ся)', захал-(ха) 'начинать(ся)', гара-(ха) 'выходить', например: эди-жэ оро-(хо) 'начать есть' от эди-(хэ) 'есть', бусал-жа ерэ-(хэ) 'закипеть' от бусал-(ха) 'кипеть', бэ-шэ-жэ эхил-(хэ) 'начинать писать' от бэше-(хэ) 'писать', хура оро-жо захал-(ха) 'начинаться (о дожде)' от хура оро-(хо) 'дождить', наншалда-жа гара-(ха) 'начинать драться' от наншалда-(ха) 'драться'), длительный вид (редупликация основ или деепричаст-

ных форм одного глагола: яба ябаһаар 'идя-идя', соединительное деепричастие -жа плюс глагол хэбтэ-(хэ) 'лежать': ойдо агна-жа хэбтэ-(хэ) 'охотиться в лесу' - и, наконец, формы -жа бай- и -һаар бай- ¹³.

К данному кругу работ, для которого характерен чрезвычайно широкий подход к пониманию вида, примыкает исследование П.Б. Цыдендамбаева ¹⁴, выделяющего шесть видов: внезапный (-ша-), мгновенный (-рхи-), многократный (-л-: алха-ла-(ха) 'пошагивать' от алха-(ха) 'шагать'), учащательный (-сагаа-), уменьшительно-ласкательный вид (-хада-), ограничительный (-д гэ-(хэ)). Что касается других форм, "подозрительный" в видовом отношении и на основании этого выделяемых Г.Д. Санжеевым и Д.А. Алексеевым, то в перечне видов, устанавливаемых П.Б. Цыдендамбаевым, им не находится места, а мотивы, которыми руководствовался исследователь при невключении в число видовых ряда показателей, до него признававшихся таковыми, явным образом не формулируются. Обращает на себя внимание необоснованная ориентация на морфологичность "видов", хотя, как кажется, не существует причин, по которым принципиально нельзя признать статуса видовых за аналитическими формами.

Как можно видеть из вышеизложенного, различия между приведенными списками "видов", устанавливаемых в бурятском языке, касаются в основном конкретных представлений о числе явлений, признаваемых видами, а также трактовки семантики соответствующих форм, что проявляется, в частности, в неодинаковом терминовании одних и тех же явлений.

Наконец, третий этап в изучении категории вида в бурятском языке связан с работой П.-Ж.Ц. Цыдыпова ¹⁵ - опытом описания всей совокупности явлений, признаваемых традицией видовыми, с точки зрения определившихся в недрах славистики представлений о функционально-семантическом поле аспектуальности ¹⁶. За последние 20-30 лет ранее лишь интуитивно осознаваемая неоднородность видовых (аспектуальных) значений была эксплицирована в фундаментальном разграничении понятий вида и способа действия (в иной терминологии - акционсартов или видовых классов, по Б.А. Серебренникову ¹⁷). Если трактовка плана содержания способов действия осталась одной и той же (т.е. вид по-прежнему определялся в терминах способов действия и наоборот), то разграничение понятий вида и способа действия проводилось и проводится с точки зрения плана выражения названных категорий. Данное положение хорошо иллюстрирует известное определение, данное Ю.С. Масловым: "...в противоположность видам способы действия не представляют грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами" ¹⁸. Мы видим, что решение вопроса о разграничении видовых значений и значений способов действия из

плоскости поисков понятийных, содержательных критериев данного размежевания переводилось в плоскость поисков формальных критериев, что на практике привело к формулированию критерия регулярности, "тотальности" образования, которой виды как будто бы отличаются от способов действия. Я имею в виду концепцию Б.А. Серебrenникова, изложенную в монографии "Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп"¹⁹ и на которую опирается Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов при рассмотрении бурятского материала. Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов на основании критерия "тотальности распространения" выделяет четыре вида (хотя на самом деле число видов оказывается большим, так как например, "продолжительный вид" включает в себя еще четыре подвида, а "многократный вид" - три): это законченный вид (-аад бай-)²⁰, продолжительный вид (-жа бай-) с подвидами (-н бай-, -наар бай-, -жээ бай-), многократный вид (-даг, -гша, -ааша), потенциальный вид (-хаа// -хаяа бай-), которые, по Ц.-Ж.Ц. Цыдыпову, отличаются от видовых классов большей регулярностью образования. Видовые классы суть следующие: интенсивность (-рхи// -хи-, -ша-), ритмичность (-лза-, -гана-), учащенность (-сагаа-), ослабленность действия (-бхилэ-), уменьшительность-ласкательность (-хада), ограниченность действия (-д гэ-). Непонятно, почему конструкциям с фазовыми глаголами было отказано в статусе видовых классов, мотивы такого решения остались необъясненными, и названные конструкции попали в другой класс - класс лексических значений.

Оценивая в целом концепцию глагольного вида, разработанную Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым на материале бурятского языка, как шаг вперед в изучении бурятского вида и первую в монголоведении попытку осуществить дифференцированный подход к огромному числу показателей, традиционно относимых к категории вида, я вместе с тем хочу отметить, что положенный в основу рассмотрения фактов признак тотальности образования не является релевантным для производимой Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым классификации видов, видовых классов и видовых лексических значений. В самом деле, где проходит реально граница между тотальностью и нетотальностью образования форм? Разграничение видов и видовых классов в плане выражения не дает на практике убедительных результатов, так как по признаку тотальности распространения к видам можно отнести с полным основанием и суффиксы -рхи- и -ша-, образующиеся от неограниченного в принципе числа глагольных основ. Различия же между сочетаниями типа уншажа байгаа, с одной стороны, и уншажа эхилээ - с другой, не всегда являются очевидными. Конструкции с фазовыми глаголами типа уншажа эхилээ, уншажа дүүргээ изоморфны многим аналитическим формам, составленным из деепричастия и служебного глагола. Здесь один из компонентов (деепричастие) заменяется неограниченным числом таких же словоформ, а второй варьируется в пределах ограниченного множества, как в тех случаях, когда мы имеем дело с сочетанием лексического и грамматического элемен-

тов²¹. Таким образом, случаи с аффиксами -рхи- и -ша-, а также

фазовыми конструкциями с большой степенью наглядности демонстрируют ненадежность применения критерия "тотальности образования" для эффективного разграничения видов, понимаемых как "чисто грамматические явления", и видовых классов (способов действия) как не вполне грамматических явлений.

Возражение может вызвать включение Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым в число так называемого потенциального вида, образующегося путем сочетания целевого деепричастия -хаа//-хаяя и связки бай- 'быть'. В рамках теории, не уточняющей семантических границ зоны аспектуальных значений, трудно бывает установить, какие конкретные значения характеризуют "протекание и распределение глагольного действия во времени" (или "характер протекания действия") и можно ли считать, например, значение потенциальности, намерения совершить действие аспектуальным значением.

На примере истории вопроса о виде в бурятском языке можно видеть неподотворность применения тех представлений, которые выработаны в общей аспектологии. Взгляд на вид как любую характеристику глагольного действия, находящую регулярное выражение в языке, базируется на разграничении вида и способа действия лишь в плане выражения, содержательное же отличие двух категорий не уточняется, не конкретизируется тот признак, который служил бы основой их семантического размежевания. Представляется, что исследования, в которых вид трактуется в терминах способов действия, неизбежно малоэффективны и сводятся по существу лишь к регистрации и каталогизации разнородных явлений и к многочисленным контрверзам наподобие той, что содержится в статье Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова "Еще раз об аспектуальности" в настоящем сборнике.

Альтернативу обрисованному подходу я нахожу в применении к описанию соответствующего бурятского материала концепции глагольного вида, сформулированной датским ученым К. Бахе на базе понятийного анализа оппозиции "совершенный: несовершенный вид"²². Обоснованный К. Бахе подход к решению вопроса о правомерности выделения категории вида в языках, отличающихся от русского своей генетической принадлежностью и структурной организацией, основывается на следующих посылах: поскольку факт существования категории вида наиболее бесспорен в глаголе славянских языков, например русском, то проблема выделения такой категории в неславянских языках, таких как, например, английский или бурятский, может быть решена на основании фактов действительно видового языка. Проблема лишь в том, чтобы адекватно сформулировать правила выбора вида в русском языке и тем самым вскрыть природу вида, т.е. дать непротиворечивую интерпретацию инвариантных значений в русском языке и характера их оппозиции. Решение такой задачи, по К. Бахе, есть условие перехода от данных русского вида (системы вида в русском языке) к системе вида в метаязыке (или метаязыку вида). В свою очередь, создание такого метаязыка представляет собой предпосылку для объ-

экзигивного обоснования природы и характера систем в конкретных языках, "подозрительных" в видовом отношении. Иначе говоря, возникает возможность называть видами в неславянских языках те системы, которые сопоставимы с системой вида в метаязыке, являющейся точным подобием и одновременно абстракцией русской видовой системы.

Для русского языка в результате процедуры субституции (замены) данного в предложении глагола его видовым коррелятом К. Бахе получил классификацию, состоящую из четырех типов предложений (конструкций) в соответствии с теми изменениями, которые претерпевала семантика предложения при замене форм вида: I тип - конструкции, в которых глагольная словоформа не имеет видового коррелята (в терминологии К. Бахе - "непротивопоставленные конструкции"). Сюда вошли предложения, в которых фигурируют одновидовые или двухвидовые глаголы (абсолютные имперфективы типа бороться, находиться, существовать, абсолютные перфективы типа опомниться, рухнуть, заплакать, двухвидовые типа казнить, обещать, ранить); II тип - конструкции, в которых замена вида невозможна, так как ведет к неграмматичности предложения, иными словами, контекст не позволяет замену формального вида ("незаменяемые конструкции"), например: Иван долго сам прочитывал / прочитал все сообщения; Каждый день буду покупать / куплю хлеб в этом магазине; III тип - конструкции, в которых замена вида возможна, но в результате замены предложение помимо другого видового значения принимает другое темпоральное и / или акциональное значение ("различительные конструкции"): Марина убирает / уберет комнату; Они уговаривали / Они уговорили ее; наконец, IV тип - конструкции, в которых замена вида возможна без ощутимого изменения в темпоральности и акциональности, т.е. оба вида называют одну и ту же ситуацию, но с разным взглядом говорящего / пишущего - либо с "внешним ситуационным фокусом", представлением ситуации как единого целого, и "внутренним ситуационным фокусом", представлением ситуации в терминах ее течения (без начала и конца). В "неразличительных" конструкциях оба вида связаны с выражением положительного взгляда на ситуацию (Мы отмечали / отметили праздник; Я буду ждать / подожду тебя здесь), либо называют одну и ту же ситуацию, но только один из видов (совершенный) имеет положительное видовое значение, а другой (несовершенный) интерпретирует ситуацию без положительного фокуса, т.е. обозначает ситуацию "в общем смысле", вообще, неопределенно в отношении конкретных условий ее осуществления (Я уже прочитал / читал эту книгу; Я приду, - сказал / говорил он).

По К. Бахе, именно в последнем, четвертом типе предложений оппозиция совершенный / несовершенный вид представлена "в чистом виде". Он предлагает определять видовость, перфективность и имперфективность исходя из природы выбора вида в предложениях, или конструкциях, маркированных как неразличительные. Виды в них, по мнению К. Бахе, противопоставляются друг другу на равной основе, характеризуясь относительно самих себя, а не относительно

темпоральности и акциональности конструкции. Тем самым ему удается объяснить различные значения, которые имеют виды в конструкциях, маркированных как различительные, незаменимые и непротивопоставленные, в терминах сопутствующих межкатегориальных функций чистых значений перфективности и имперфективности. Легко видеть, что предлагаемый анализ исходит из признания двух уровней существования видовых значений – уровня системы (обнаружимый в неразличительных конструкциях) и функционального уровня, на котором чисто видовые значения (перфективность и имперфективность) и невидовость вступают во взаимодействие со значениями времени и способа действия (акционсарт), т.е. в отношении, характеризующиеся в терминах совместимости и несовместимости избираемых значений.

Исследование семантики категории вида в русском языке, проведенное при помощи процедуры замены, позволило К. Бахе выделить в метаязыке три понятийно разные категории – вид, понимаемый как взгляд говорящего / пишущего на ситуацию (ситуационный фокус), способ действия, или акционсарт, понимаемый как тип ситуации, и время, понимаемое как тип темпоральной локализации обозначенных глаголом ситуаций.

Категория вида в метаязыке представляет собой логически эквивалентную оппозицию перфективности – представления ситуации как единого целого, с внешним ситуационным фокусом, и имперфективности – парциального представления ситуации, представления ее части без начала и конца, т.е. с внутренним ситуационным фокусом. Категория вида в конкретных реализациях может быть привативной и тогда представлять собой оппозицию видовости как представления ситуации с одним из двух положительных ситуационных фокусов (либо как взгляда на ситуацию, охватывающего ее целиком, либо представления говорящим / пишущим ситуации как наблюдаемой изнутри) и невидовости, характеризующейся представлением ситуации без положительного фокуса. Например, в русском языке такой тип противоположения представлен неразличительными конструкциями типа Я уже прочитал / читал эту книгу, в которых перфектив называет ситуацию как единой целое, а имперфектив называет лишь самый тип ситуации и ее темпоральные характеристики (в данном случае соотнесенность с моментом в прошлом).

Главные значения вида – имперфективность и перфективность, а также невидовость (нейтральное в видовом отношении значение) на функциональном уровне своего существования вступают во взаимодействие со значениями времени и способа действия. Связь категории вида со временем можно описать следующим образом: темпоральная природа одновременных ситуаций, т.е. ситуаций, происходящих в момент речи, необходимо предполагает имперфективный ситуационный фокус, а репрезентация ситуации с перфективным фокусом возможна только при взгляде на нее как темпорально отдаленную от момента речи, т.е. тогда, когда она принадлежит либо плану прошлого, либо плану будущего. Примеры такого взаимодействия в русском языке: совершенный вид (перфектив) никогда не называют

ситуации, имеющую место в настоящем или в момент речи, настоящее время логически требует выражения имперфективной формой (Марина уберет / убирает комнату).

Связь значений вида со значениями способа действия можно описать следующим образом. В зависимости от значения способа действия, или типа ситуации, семантики того глагола, от которого он образуется, имперфектив в норме может принимать значения попытки достижения или постепенного приближения к некоторой критической точке или цели, находящейся вне референции предложения, а соответствующий ему перфектив – достижения этой точки или цели: Она писала / написала письмо; имперфектив называет неограниченное количество раз повторяющееся действие, а перфектив – единичное, однократное действие: Он стучал / стукнул; Он моргал / моргнул; имперфектив называет действие в самом процессе его выполнения, а перфектив – “готовый факт”, скачок: Когда я выходил / вышел из дому...

Семантическая неоднородность категории вида может быть описана в метаязыке лишь в рамках строго функционального подхода: категория вида есть функциональная система, в которой главные значения перфективности и имперфективности логически соотносятся с более широким кругом значений, передаваемым видами вкупе с временами и значениями способа действия. Однако в определенных условиях (см. примеры неразличительных конструкций) выбор вида определяется исключительно выбором ситуационного фокуса.

В рамках излагаемой концепции выдвигается требование, согласно которому обсуждение вопроса, различает ли виды некоторый язык (в нашем случае бурятский), зависит от убедительных свидетельств систематического соответствия между значениями и функциями метакатегории вида и значениями и функциями конкретной оппозиции форм в данном языке (логически их может быть только две). Предлагается набор процедур – замена данного в примере глагола его соотносительным коррелятом и процедуры интерпретации результатов замены²³, который должен выявить наличие понятийных и функциональных соответствий между моделью вида и конкретной системой для признания за последней статуса видовой. В общем виде метод решения обозначенной задачи заключается в следующем: берется корпус примеров, содержащих как формально маркированные в видовом отношении глаголы, так и глаголы в формах, оппозитивных первым (для бурятского языка, как агглютинативного, естественным будет считать, что оппозицию формам, скажем, прогрессива или перфекта составляют формы негрессива или неперфекта, характеризующиеся отсутствием форманта “прогрессивности” –жа бай– или “перфектности” –аад бай– и –һан бай–). Далее производится замена данных в примерах глаголов их оппозитами, в результате чего мы должны получить классификацию предложений наподобие той, которую получил К. Бахе на материале русского языка. В случае, если наш анализ обнаружит сопоставимость принципов, или правил, мотивировавших распределение бурятских

предложений по четырем типам, с тем, что мотивировали распределение русских глагольных предложений, мы вправе будем признать за анализируемыми противопоставлениями (например, "прогрессив: непрогрессив" или "перфект: неперфект") статус видовых оппозиций, конституирующих категорию вида в бурятском языке.

В самом предварительном виде можно предположить, что из оппозиций глагольных форм, подозрительных в видовом отношении, действительно видовой, т.е. релевантной в контексте изложенных выше представлений, является лишь оппозиция "прогрессив: непрогрессив". Если это предположение подтвердится (очевидно, что исследование этого вопроса должно представлять собой систему доказательств и являться темой отдельной работы), то для бурятского языка вопрос о виде будет формулироваться следующим образом: категория вида в бурятском языке есть оппозиция имперфективности как маркированного члена оппозиции и невидовости как немаркированного члена семантического противопоставления.

Примечания

¹ В скобках дается в соответствии с существующей в монголоведении традицией словарная форма глагола -ха, форма причастия будущего времени.

² См.: Холодович А.А. Перфект-результатив // Проблемы грамматической теории. - Л., 1979. - С. 138-160; Дугарова Г.С., Яхонтова Н.С. Результатив в монгольском языке // Гипология результативных конструкций. - Л., 1983. - С. 94.

³ Шыдынов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972.

⁴ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962.

⁵ Алексеев Д.А. Категория вида в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969 - С. 61-63.

⁶ Шыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 116-126.

⁷ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1941. - С. 53.

⁸ Малакшинов П.И. Категория вида в русском языке и ее соответствие в бурят-монгольском языке // Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе. - М.; Л., 1948.

⁹ Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. - Улан-Удэ, 1958. - С. 203.

¹⁰ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. - С. 104.

¹¹ Формулировка, принятая большинством аспектологов в качестве определения аспектуальности, принадлежит А.М. Пешковскому. См.: Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. - Л., 1984. - С. 5.

¹² Раздел "Глагол" был написан Г.Д. Санжеевым. См.: Грамматика бурятского языка. - С. 187-194.

¹³ Алексеев Д.А. Категория вида... - С. 61-63.

¹⁴ Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 116-126.

¹⁵ Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции... - С. 50-212.

¹⁶ См.: Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий: Глагольный вид и "аспектуальность" в русском языке // Вопр. языкознания. - 1967. - № 2. - С. 18-31; Он же. Грамматическая категория и контекст. - Л., 1971. - С. 49-55; Он же. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983. - С. 77-96; Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л., 1987. - С. 40-209.

¹⁷ Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. - М., 1960. - С. 24.

¹⁸ Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. - М., 1962. - С. 10.

¹⁹ Серебренников Б.А. Категории времени и вида... - С. 24-27.

²⁰ Интересно отметить, что перфектная форма -аад бай- была выделена как вид только Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым. Например, у Ц.Б. Цыдендамбаева эта форма фигурирует как прошедшее время. См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 132.

²¹ См.: Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. - Л., 1984. - С. 124-125.

²² *Bache S. Aspect Theory and its Application to Present-Day English.* - Odense University Press, 1985.

²³ Изложение процедур выявления видового характера той или иной оппозиции глагольных форм см.: Дугарова Г.С. Статус оппозиции "прогрессив : непрогрессив" в современном монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1988. - С. 10-14.